

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

XL

**ВНОВЬ СОБРАННЫЕ
ДРАГОЦЕННЫЕ
ПАРНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ**

ФАКСИМИЛЕ КСИЛОГРАФА

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА, ПЕРЕВОД С ТАНГУТСКОГО,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИЙ
Е.И. КЫЧАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1974

И
В 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь),
И. С. Брагинский (заместитель председателя), Б. Г. Гафуров
(председатель), П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф,
Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов (заместитель
председателя), Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Сул-
танов, А. С. Тверитинова, Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер,
Г. В. Церетели

Ответственный редактор

Г. Л. Пермяков

Тангутский ксилограф XII в., одна из наиболее древних печатных книг в библиотеках Советского Союза, впервые публикуется и переводится полностью. В нем представлены почти все известные в наше время типы тангутских изречений (пословицы, поговорки, народные афоризмы, присловья, приметы, загадки и пр.). Переводу предпослана вступительная статья, в которой автор делает попытку наметить принципы тангутского стихосложения, кратко излагает историю тангутского книгопечатания и отмечает роль народов Центральной Азии в развитии книгопечатания на Дальнем Востоке.

0734-2006
042(02)-74 152-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
ВОСТОКА»

ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

- I. Ким Бусик, *Самжук саги*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959.
- II. Фирдоуси, *Шāх-нāме*. Критический текст.
Т. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1963; изд. 3, стереотипное, М., 1966).
Т. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, Л. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н. О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2, стереотипное, М., 1963; изд. 3, стереотипное, М., 1966).
Т. III, составитель текста О. И. Смирнова, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
Т. IV, составители текста Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс и М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
Т. V, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
Т. VI, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
Т. VII, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1968.
Т. VIII, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Азера, М., 1970.
Т. IX, составитель текста А. Е. Бертельс, под редакцией А. Нушина, М., 1971.
- III. Са'дй, *Гулистāн*. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.
- IV. *Путешествие Ун-Амуна в Библ*. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.
- V. Зайн ад-Дйн Вāсифй, *Бадāй' ал-вақāй'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
<i>Е. И. Кычанов.</i> К вопросу о характере и художественных особенностях тангутских изречений	30
Вновь собранные драгоценные парные изречения. Перевод	87
Комментарий	127
Указатель	139
Текст	151
Summary	215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник тангутских изречений — «Вновь собранные драгоценные парные изречения» — несомненно относится к числу самых интересных памятников в коллекции тангутских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Не так часто жестокое и неумолимое время сохраняло для нас почти целиком книги восьмисотлетней давности.

А издаваемый памятник — один из лучших образцов тангутской книги второй половины XII в., поры наивысшего расцвета тангутской культуры. Этот ксилограф — одна из наиболее старых печатных книг в библиотеках Союза, так как вся коллекция тангутских ксилографов ЛО ИВАН бесспорно самое большое по объему и самое раннее по времени, не считая печатных фрагментов из Дуньхуана, собрание печатной книги в нашей стране вообще.

Сам факт рождения книгопечатания на территории современной Китайской Народной Республики хорошо известен. Однако до сих пор нет четкого ответа на вопрос, где и когда появились там первые книги.

Появление книгопечатания было подготовлено успехами китайской культуры в раннем средневековье. В I—V вв. н. э. китайцы умели изготавливать превосходную бумагу и высококачественную тушь. Об изобретателе бумаги и создателях туши не раз упоминается в китайских источниках. Загадочным остается одно. Почему же в китайских исторических трудах, подробно сообщающих об изготовлении бумаги и туши, в огромной массе прочей дошедшей до наших дней китайской литературы I тысячелетия н. э. нет сведений ни о вре-

мени изобретения книгопечатания, ни о месте появления этого важнейшего изобретения, не упоминается имени его творца?

Ответить на эти вопросы не просто. Нужны еще специальные исследования всех известных памятников и первоисточников. Это не входит в нашу задачу. Но так как издаваемый памятник одна из самых древних печатных книг, мы хотели бы высказать несколько соображений по этому вопросу.

Ксилография¹, бесспорно, явилась новым качественным этапом развития технологии и искусства изготовления печатей с рельефной нарезкой зеркального изображения текста или рисунка. Изготовленные таким образом штампы широко использовались буддистами и даосами для печатания амулетов с различными изображениями. От изготовления штампов для производства амулетов и размножения изображений святых до появления ранней формы книгопечатания — ксилографии — был только один шаг. Этот шаг был сделан, вероятно, в промежутке между концом VI и началом IX века.

Самым ранним образцом ксилографии, образцом, стоящим ближе к размножению амулетов, чем собственно к книгопечатанию, является фрагмент своеобразного плакатика, датированный 594 годом². Этот фрагмент был привезен А. Стейном из Дуньхуана и хранится в Британском музее.

¹ Печатание ксилографическим способом производилось следующим образом: подготовленная деревянная доска, размер которой зависел от формата листов будущей книги, смазывалась особым составом вроде клейстера, приготовляемым обычно из вареного риса. Этот состав размягчал доску, а кроме того, способствовал отпечатыванию знаков на ее поверхности. После этого на доску накладывался лист тонкой бумаги с переписанным на нем текстом. По снятии бумаги на поверхности доски оставались отпечатки знаков в зеркальном изображении, резчик удалял своим инструментом все части поверхности доски вокруг этих отпечатков. Доска с рельефными знаками смазывалась при помощи особой щетки тушью, затем на нее накладывался лист тонкой бумаги, по которому сверху проводили другой щеткой для снятия отпечатка. Печатание таким способом происходило настолько быстро, что один рабочий мог снять около двух тысяч отпечатков в день.

² L. Giles, *Descriptive catalogue of the Chinese manuscripts from Tunhuang in the British Museum*, London, 1957, стр. 279.

В 764 г. японская императрица Сётоку приказала изготовить множество миниатюрных пагод, вложить в них длинные узкие полоски бумаги с текстом семи буддийских заклинаний — дхарани — и раздать эти пагоды десяти крупнейшим храмам страны. Тексты вырезали и печатали в течение шести лет. Работа была завершена в 770 г. Так был создан древнейший дошедший до нас образец ксилографического текста. Однако считать 764 год годом начала книгопечатания в Японии можно лишь весьма условно, ибо в последующие 280 лет там не появилось ни одной печатной книги.

Итак, первый образец ксилографии был обнаружен в Западном Китае в Дуньхуане. Там же в библиотеке знаменитых пещерных храмов Тысячи Будд было найдено первое наиболее древнее печатное издание, которое представляет собой уже настоящую книгу. Этим изданием, составленным из объединения листов, перепечатанных с определенного количества досок, является текст «Алмазной сутры», колофон которой свидетельствует о том, что сутра была отпечатана 11 мая 868 г. на пожертвования некоего Ван Цзе в память его родителей.

О том, что книгопечатание стало распространяться именно начиная с IX в. и именно в западных районах Китая, свидетельствуют и китайские письменные источники. В 835 г. чиновник из пограничной с Восточным Тибетом китайской провинции Сычуань Фэн Су обратился ко двору за разрешением напечатать с досок календарь³. В другом тексте, описывающем события, относящиеся к 883 г., некий Люй Бянь сообщал: «В третьем году Чжун-хэ шел третий год, как императорская колесница находилась в Шу (Сычуань). Я был тогда *чжуншу шэжэнь*⁴. В один из свободных дней декады я отправился посмотреть книги к юго-востоку от второй крепостной стены (т. е. в предместье, на рынок). В большинстве своем это были толкователи снов... пяти планет и других

³ P. Pelliot, *Les debuts de l'imprimerie en Chine*, — Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, IV, Paris, 1953, стр. 33.

⁴ *Чжуншу шэжэнь* — старший секретарь главного императорского управления по гражданским делам.

тем школы Инь и Ян. Кроме того, имелись словари и другие лексикографические книги. Как правило, они были вырезаны на досках и напечатаны на бумаге»⁵. В коллекции Британского музея сохранился фрагмент календаря, напечатанного в 882 г. в столице Сычуани г. Чэнду⁶.

Из всего сказанного можно сделать два вывода: 1. Весьма вероятно, что искусство книгопечатания зародилось из штамповки амулетов у даосов и буддистов в буддийских центрах Западного Китая в период с конца VI до конца VII в. 2. Можно говорить о достаточно широком распространении книгопечатания в западных областях Китая в IX в.

Теперь мы имеем возможность попытаться ответить на поставленный ранее вопрос — почему же изобретение книгопечатания не нашло отражения в китайских официальных историях и прочей китайской литературе того периода? По-видимому, все дело заключалось в том, что книгопечатание не было изобретено в центральных областях Китая, т. е. в собственно Китае. Оно появилось прежде всего в буддийских центрах, находившихся на окраинах страны, которые, хотя и входили постоянно в ареал китайской культуры, официально очень часто, и в то время подолгу, не находились в составе китайского государства. Поэтому эти области нередко были вне поля зрения китайских историков и авторов. Благодаря этому факт изобретения книгопечатания, к тому же, по-видимому, акт не единовременный, а представлявший собой длительный процесс, протекавший в различных буддийских центрах Западного Китая, не был отражен в официальной китайской истории и литературе. Судя по данным письменных источников, а также древнейшим памятникам ксилографии, центрами первоначального книгопечатания были два района — Дуньхуан и Сычуань. Поскольку наиболее ранние памятники книгопечатания сохранились в Дуньхуане, мы можем предположительно считать родиной книгопечатания западные районы современной территории КНР.

⁵ Там же, стр. 40—41.

⁶ L. Giles, Descriptive catalogue of the Chinese manuscripts from Tunhuang in the British Museum, стр. 280.

И Дуньхуан и Сычуань были районами с большим процентом некитайского населения. Это позволяет поставить вопрос о возможной роли этого населения, и прежде всего тибетцев, в появлении книгопечатания. Первая и крайне интересная попытка в этом направлении была предпринята недавно американским исследователем Робертом Шафером. Произведенный им сравнительный анализ слов для выражения понятия «печатание с досок» в тибетском и китайском языках, по его мнению, показывает, что не тибетское соответствующее слово произошло от китайского, как это думали раньше, а, наоборот, китайское *бань* — «доска для печатания» могло быть заимствованием тибетского *пар* с тем же значением⁷. Однако мнение Р. Шафера не получило всеобщего признания и было серьезно оспорено английским востоковедом В. Саймоном⁸.

Указанные выше сведения представляют исключительный интерес, но они свидетельствуют лишь об истоках искусства книгопечатания. Подлинно широкое распространение книгопечатание получило только в самом Китае, начиная с X в. Ибо только в Китае были налицо иные и самые важные предпосылки существования книгопечатания — достаточно распространенная грамотность и общественная потребность в печатном слове, определявшаяся уровнем экономического и культурного развития общества. В сунском Китае (960—1279) книгопечатание достигло наивысшего размаха⁹. Вскоре оно почти совершенно вытеснило рукописную книгу. В XI в., в период между 1041—1048 гг., в Китае Би Шэном было изобретено печатание подвижным шрифтом, значительно усовершенствованное Ван Чжэном в XIV в.

Откуда же проникло книгопечатание к тангутам? Из Китая? Или оно в какой-то мере явилось продолжением тех

⁷ R. Shafer, Words for «printing block» and the origin of printing,— «Journal of the American Oriental society», vol. 80, 1960, № 4, стр. 328—329.

⁸ W. Simon, Tibetan par. dpar, spar and cognate words,— «Bulletin of the School of Oriental and African studies. University of London», vol. XXV, pt 1, 1962, стр. 72—80.

⁹ См. об этом: К. К. Флуг, История китайской печатной книги сунской эпохи, М.—Л., 1959.

традиций, которые существовали в буддийских центрах Западного Китая? Хорошо известно, что Дуньхуан с середины XI в. входил в состав тангутского государства. Тангутское книгопечатание стало возможным после того, как в 1036 г. была введена в употребление тангутская письменность, а с нею получила достаточно широкое распространение и грамотность, так как, с одной стороны, молодое государство нуждалось в собственных кадрах государственных служащих, военачальников, ученых и преподавателей, а, с другой стороны, происходившее одновременно утверждение буддизма в тангутском государстве определило появление ученых монахов и вызвало нужду в распространении переводимых на тангутский язык священных текстов в широких масштабах, потребности в которых не могли быть удовлетворены рукописной книгой.

По-видимому, в середине XI в. книгопечатание утвердилось и в тангутском государстве. В тангутской коллекции ЛО ИВАН самый ранний ксилограф датирован 1085 г.¹⁰ Очевидно, тангуты наследовали искусство книгопечатания из таких его ранних центров, как Дуньхуан, возможная родина книгопечатания, и одновременно из сунского Китая, у которого они не раз покупали печатные книги в середине XI в. Книгопечатание достигло расцвета в тангутском государстве в середине XII в. В это время тангутские книги по своему качеству и оформлению не уступали лучшим китайским образцам. Этим тангутский народ внес серьезный вклад в развитие культуры народов Центральной Азии. А вклад народов Центральной Азии в развитие книгопечатания не вызывает сомнений и не должен упускаться из виду, когда речь идет об этом величайшем достижении человеческой культуры.

¹⁰ Тангутские рукописи и ксилографы, составители З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963, стр. 20. Возможно, что на китайском языке книги в тангутском государстве издавались и раньше. См.: Л. Н. Меньшиков, Раннепечатные издания из Хара-хото, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. LVII, М., 1961, стр. 143—149. В настоящее время Л. Н. Меньшиковым обнаружен ксилограф тангутского издания 1075 г. на китайском языке.

Издаваемый факсимиле ксилограф в оригинале имеет размеры 21,5 × 15 см. Брошюровка «бабочкой» (текстом внутрь), т. е. в той ее форме, которая широко была распространена в XI—XII вв. и характеризуется правильным чередованием заполненных текстом и чистых сторон листа¹¹. Размер текста 17,5 × 12 см. Текст выделен на листе рамкой, имеющей сверху и снизу одну линию, а по бокам — две линии: внешнюю, более толстую, и внутреннюю, тонкую, отстоящую от внешней на 2—3 мм. Рамка, окантовывающая текст, отделяет верхнее, нижнее и боковые поля листа. Поскольку при печатании лист накладывался на доску не всегда точно, размеры полей на разных листах книги не одинаковы. Размер верхнего поля колеблется от 3 до 3,5 см, размер нижнего поля — от 1 до 1,5 см, размер боковых полей — от 2,5 до 3 см. Текст по очень распространенному в тангутских книгах стандарту отпечатан в семь строк на каждой из половин листа. Такая половина листа образует нашу современную страницу. Число знаков в строке не было в данном издании постоянным и зависело от количества знаков в строке изречения. Страницы, левая и правая стороны листа, разделены колонкой-просветом (китайское *байкоу* «белый рот»), размер которого после брошюровки, когда листы были сшиты, стал не постоянным и колеблется от 1 до 1,5 см. В этом просвете обычно писалось сокращенное название книги (в верхней части) и ставился номер листа (в нижней части). В издаваемом ксилографе в верхней части просвета стоят два знака со значением «изречения», а внизу нумерация листа. Пагинация в книге тангутская, сплошная от л. 1 до л. 31, что образует 31 двойной лист или 62 страницы текста. *Байкоу* был неотъемлемым элементом художественного оформления книги. Это хорошо прослеживается и на нашем памятнике. Номера листов то проставлены белым на черном фоне — л. 1—6, 13—17, 19—21, 29—30, то написаны без всякого специального выделения и оформления. Сокращенное

¹¹ Подробное описание способа брошюровки «бабочкой» в период Сун можно найти в книге К. К. Флуга «История китайской печатной книги сунской эпохи», стр. 51—52.

наименование книги тоже: то написано без особого выделения — листы 1—3, 5—13, 15, 18, 22—31, то проставлено в белом овале, заключенном в черную жирную квадратную рамку, — лист 4, то проставлено белым на черном фоне — листы 14, 16, 17, 21, то просто заключено в рамку посредством двух горизонтальных линий, соединяющих сверху и снизу от названия книги линии, образующие *байкоу*, — листы 19—20. На листах 2, 6—17, 20—31 сохранилась тонкая линия, выходящая за пределы рамок, ограничивающих текст. По-видимому, она обозначала центр листа, его ось, и служила при печатании ориентиром для точного накладывания листа на доску. Вследствие неровного накладывания листа и его стяжения при брошюровке книги осевая линия часто оказывалась смещенной от центра то вправо, то влево.

Деталью художественного оформления книги являются виньетки на листе 2а после заглавия книги.

Качество оттиска разных листов не одинаково, иногда рамки смазаны, хотя в целом печать хорошая. Знаки печати стандартные, вырезаны четко, пропечатались хорошо. Размеры их различны и зависят от количества знаков в строке изречения. На листах 1 и 31, в тексте предисловия и послесловия по 15—16 знаков в строке. На листах 2а—11а по 7 знаков в строке. На листах 11б—13б (строка 4 включительно) по 8 знаков в строке. Со строки 5 листа 13б по строку 5 листа 14б включительно — по 9 знаков в строке. Со строки 6 листа 14б до листа 16 включительно — по 10 знаков в строке. На листах 17—19а, строка 2 включительно — по 11 знаков в строке. На листах 19а, строка 3—19б, строка 3 включительно — по 12 знаков в строке. Со строки 4 листа 19б по строку 5 листа 20б включительно — по 13 знаков в строке. Со строки 6 листа 20б по строку 5 листа 22б включительно — по 14 знаков в строке. В строках 6—7 листа 22б и строках 1—2 листа 23а — по 15 знаков в строке. Текст в пределах строки 3 листа 23а по строку 5 этого же листа размещен неравномерно, по 14—16 знаков в строке. Со строки 6 листа 23б по строку 1 листа 24а включительно — по 12 знаков в строке. Со строки 2 листа 24а по строку 3 листа 25а

включительно тоже по 12 знаков в строке, но с иной разбивкой текста внутри строки (3 по 4). Со строки 5 листа 25а (строка 4 неполная) до строки 6 листа 26а — по 15 знаков в строке (строка 7 листа 26а неполная). С листа 26б до строки 4 листа 31а — по 12 знаков в строке.

В строке 2 листа 1а мелким шрифтом указано имя составителя сборника, на листе 31б в самом конце мелким шрифтом — имя составителя сборника, переписчика книги для ксилографического воспроизведения, подготовителя ее к печати и имя поставщика ткани для переплета.

Книга была реставрирована в реставрационной мастерской ЛО ИВАН реставратором Г. С. Макарихиной. До реставрации она была в полуистлевшем холщовом переплете из грубой, рубчатой, крупного плетения ткани песочного цвета.

Дефекты книги видны из ее воспроизведения факсимиле, а также отмечены в тексте перевода в сносках.

Единственным источником, помогающим нам восстановить историю создания памятника, являются сохранившиеся в значительном объеме предисловие и послесловие к нему. В предисловии указывается, что, поскольку изречения «чрезвычайно распространились», а «число их все возрастает», появилась потребность в их унификации, ибо, по мнению подготовителя издания, иногда «смысл изречений искажается, парность их редко соблюдается». Руководствуясь, по мнению издателя, этой целью, тангутский ученый Лу Чхияйур¹² (что соответствует китайскому Лян Дэ-ян), «отыскивая во всех книгах изящные выражения, касающиеся самых разнообразных тем, и сообразуясь с их смыслом и назначением, отобрал самые важные и расположил изречения одно за другим, фразу за фразой, ибо мудрецы, излагая принципы истинного пути, добиваются в сочинениях гармонии строф и разделов». Работа была закончена в 1176 г. Но ученому не удалось увидеть плоды своего труда, он вскоре скончался.

¹² В основу транскрипции в данном издании положена реконструкция Т. Нисида.

Другой ученый, Ван Нджийе (Ван Жэнь-чи), продолжил работу, «разместил изречения соразмерно и по разделам и написал предисловие». В 1187 г. книга была издана с рукописи Ван Жэнь-чи. Один из экземпляров ее и сохранился до наших дней.

Н. А. Невский полагал, что составитель сборника Лян Дэ-ян, «судя по фамилии и имени»¹³, был китайцем. Однако возможно, это было и не так. Род Лян (lu) известен у тангутов с VI в. Он был правящим данчанским родом. Данчанский племенной союз во главе с родом Лян имел некоторое время политическую самостоятельность (VI в.) и был по существу первым государственным образованием у тангутских племен. В 564 г. он был разгромлен войсками Чжоу (557—583)¹⁴. В X в. китайские источники упоминают о родах Большой Лян и Малый Лян, проживающих в горах Хэланьшань¹⁵. Позднее, в XI в., уже во времена существования государства Великое (или Западное) Ся (982—1227) семья Лян играла ведущую роль в управлении страной. Представители этой семьи даже посягали на тангутский престол¹⁶. Китайские авторы тех лет, много писавшие о семье Лян, ее роли в тангутском государстве, за исключением Шэнь Ко¹⁷, не упоминают о ее китайском происхождении, а это и для них и в особенности для политики Сун в отношении Ся было бы весьма немаловажным обстоятельством. Очевидно, Лян Дэ-ян был выходцем из этой семьи и считать его китайцем у нас нет достаточных оснований. Его китайское имя ни о чем не говорит: тангутские ученые-конфуцианцы и тангутские буддисты очень часто носили китайские имена.

¹³ Н. А. Невский, Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах, М., 1960, кн. 1, стр. 92.

¹⁴ 北史 — «История Северных династий», гл. 96, — «Сы бу бэйяо», 023, стр. 864.

¹⁵ 宋史 — «История династии Сун», гл. 491, — «Сы бу бэйяо», 032, стр. 3831.

¹⁶ 戴錫章, 西記夏 — Дай Си-чжан, Записи о Си Ся, Пекин, 1924, гл. 19, стр. 9а—9б.

¹⁷ 沈括, 夢溪筆談 — Шэнь Ко, Мэнци би тань, гл. 25, — «Цуншун цзичэн», Шанхай, 1936, стр. 164.

Лян Дэ-ян, несомненно, был выдающимся деятелем тангутской культуры середины XII в. Свидетельством этого служит то обстоятельство, что мы встречаемся с его именем еще в одном важном памятнике тангутской культуры — втором издании словаря «Гомофоны», редактором которого он был¹⁸. Что касается Ван Жэнь-чи, то он, судя по фамилии, действительно мог быть китайцем. По имеющимся данным, китайское население в тангутском государстве не подвергалось никакой дискриминации, и многие китайцы занимали важные посты в государственных учреждениях и учебных заведениях тангутов.

В предисловии говорится, что Лян Дэ-ян выбрал изречения из различных сочинений, «отыскивая во всех книгах изящные выражения», или, как писал Н. А. Невский, составил книгу «из тангутских книжных и устных поговорок и пословиц»¹⁹, а не занимался лично их собиранием. По-видимому, тангутские изречения уже записывались ранее, они были широко распространены в тангутской литературе; например, изречения обильно цитируются в тангутской энциклопедии 1183 г. издания «Море значений, установленных святыми», и первые их сборники, очевидно, были составлены до 1176 г., так как мы имеем дело с «Вновь собранными изречениями», т. е. не с первой книгой такого рода, или, по крайней мере, со вторым изданием данной книги.

Хотелось бы отметить еще одно существенное обстоятельство. Собранные им изречения Лян Дэ-ян изложил по «их смыслу и назначению». Однако, готовя сборник Лян Дэ-яна к изданию, Ван Жэнь-чи «разместил изречения соразмерно и по разделам» (предисловие), «разместил все [изречения] согласно их размеру» (послесловие), т. е., очевидно, придал им тот чисто формальный порядок по числу знаков в строке парного изречения, в каком они выступают перед нами и поныне. Понятно, что такое существенное изменение порядка размещения материала, если оно имело место, принципиаль-

¹⁸ Н. А. Невский, Тангутская филология, кн. 1, стр. 120.

¹⁹ Там же.

но изменило лицо сборника. Если наше предположение верно и в сборнике Лян Дэ-яна первоначально действительно был принят смысловой принцип размещения изречений, мы можем только сожалеть о том, что Ван Жэнь-чи, заслуга которого в завершении дела, начатого Лян Дэ-яном, чрезвычайно велика, лишил нас одного из важнейших свидетельств понимания и восприятия изречений другими его современниками.

Итак, Ван Жэнь-чи принял за основу формальный порядок размещения изречений в сборнике. Первыми он поместил самые многочисленные изречения — по семь знаков в строке: (№№ 1—131, лл. 2а—11а), затем по восемь знаков (№№ 132—163, лл. 11б—13б), по девять (№№ 164—178, лл. 13б—14б), десять (№№ 179—193, лл. 14б—16б), одиннадцать (№№ 194—208, лл. 17а—19а), двенадцать (№№ 209—212, лл. 19а—19б), тринадцать (№№ 213—220, лл. 19б—20б), четырнадцать (№№ 221—234, лл. 20б—22б), пятнадцать (№№ 235—236, лл. 22б—23а), семнадцать (№№ 237—238, л. 23а) и восемнадцать знаков в строке (№№ 239—240, лл. 23а—23б). Изречения по шестнадцать знаков в строке отсутствуют. Затем, после изречений по восемнадцать знаков в строке, вдруг происходит резкий переход к изречениям от трех до шести знаков в строке, соответственно: по три знака в строке (№№ 241—246, лл. 23б—24а), по четыре (№№ 247—271, лл. 24а—25а), по пять (№№ 272—296, лл. 25а—26а) и по шесть (№№ 297—363, лл. 26б—31а). Заметить какую-либо логическую последовательность в пределах каждого из указанных выше формальных разделов нам не удалось.

Таким образом, в 1187 г. сборник был выпущен в свет. Как мы уже отмечали, он явился, по-видимому, не первым собранием тангутских изречений. Очевидно, наступило время, когда книга стала редкостью, ее начали переписывать от руки, о чем, скорее всего, и свидетельствуют рукописные фрагменты книги, хранящиеся ныне в Британском музее.

Эти фрагменты были обнаружены среди тангутских рукописей и ксилографов коллекции А. Стейна, находящихся в

Британском музее, хранителем коллекции английским ученым Эриком Д. Гринстедом. Они оказались копией с книги «Вновь собранные драгоценные парные изречения» из Ленинградского собрания. Э. Д. Гринстед любезно прислал нам ксерокопию текста. В оригинале рукопись, вероятно, представляет собой книгу-свиток, с текстом, написанным стандартным письмом с употреблением некоторых элементов скорописи. Текст рукописи копирует текст нашего памятника с первой строки л. 20а и до конца. В конце рукописи вместо послесловия печатной книги переписано предисловие к ней.

При переписывании текста, в целом практически идентичного тексту ксилографа, кое-где были допущены пропуски и замены слов. В изречении 219, л. 20б, стк. 2, слово «низина» передано в рукописи другим знаком, с более резким и определенным значением «канавка» («Пусть лучше я буду съеден тигром в горах, чем лисицей в канаве»). В изречении 222, л. 21а, стк. 1, после слова «цена» добавлен малоразборчивый знак, возможно, 𠄎 «трусливый», но явно лишний, так как в строке получилось пятнадцать знаков вместо необходимых для соблюдения правил параллелизма четырнадцати. Кроме того, знак 𠄎 «сломать» («сломал ногу») переписан ошибочно как 𠄎 «рука». В изречении 228, л. 21б в рукописи пропущено слово «трава» («в бычью кожу травы наложить...»). В изречении 230, л. 21б, стк. 2, после слова «дом» был ошибочно вписан и вычеркнут знак, то же самое в изречении 232, л. 22а после слова «гость». В изречении 236, л. 23а в рукописи пропущено слово «земля». В изречении 239, л. 23б пропущено слово «теленка» («мешок из кожи теленка»). В изречении 254, л. 24а пропущена его первая половина: «Большое дело делаю — не спеши». В изречении 275, л. 25а, стк. 1, второй и третий знаки переставлены местами, то же в изречении 286, л. 25б. В изречении 301, л. 26б, стк. 1, вместо слова «знатный» написано слово «лошадь». Это меняет смысл изречения и отмечено нами в комментарии. В изречении 324, л. 28а, стк. 2, пропущено

слово 𑖆𑖅 . В изречении 341, л. 296, стк. 1, пропущено последнее слово «подняться» («ветер поднялся»). В конце текста рукописи пропущены изречения 360 и 361.

Таким образом, хотя и с некоторыми дефектами, рукопись Британского музея копирует последнюю треть ксилографа ЛО ИВАН. Пропуски в тексте, изменение порядка знаков в результате невнимательности при списывании и даже неверное написание некоторых знаков, возможно, свидетельствуют о том, что перед нами копия, выполненная после издания книги. В последнее время в Тангутском фонде ЛО ИВАН нами обнаружен также рукописный фрагмент тангутских изречений (инв. № 3827), текст которого не отличается от текста публикуемого памятника.

Рукопись Британского музея и упомянутый выше фрагмент Тангутского фонда ЛО ИВАН — хорошее свидетельство популярности тангутских изречений. И книга и рукописные копии ее были найдены в одной библиотеке на далекой окраине тангутского государства, где, по-видимому, было немало любителей живого и меткого родного слова.

Оригинал памятника хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Инвентарный номер книги 765. В описании «Тангутские рукописи и ксилографы» (М., 1963) она указана под № 35. На страницах 16 и 31а на верхних полях книги имеются мелкие эллипсоидные печати красной краской с легендой: «Академия Наук, Институт востоковедения».

Книга, по всей вероятности, была обнаружена и опознана Н. А. Невским. Однако запись в инвентарной книге сделана не его рукой, а рукой А. А. Драгунова, без определения содержания книги, причем в инвентарную запись почему-то вписаны лишь два первых знака заглавия «вновь собранные...».

История изучения памятника ограничивается работой над ним Н. А. Невского. В Архиве востоковедов ЛО ИВАН, в фонде Н. А. Невского²⁰, хранится тетрадь с выписками из

²⁰ Архив востоковедов ЛО ИВАН, фонд 69, оп. 1, № 142.

сборника тангутских изречений. Одни изречения просто переписаны по-тангутски, у других параллельно тангутскому тексту проставлены по-китайски значения известных Н. А. Невскому слов (лл. 266, 27а—276, 316, 32—38, 40). На стр. 39а и 39б тетради переписаны предисловие и послесловие сборника, также с подстановкой значений многих тангутских знаков по-китайски. В конце тетради приложены черновые переводы отдельных изречений на русский язык. Позднее большинство из них вошло в число 23 тангутских изречений, опубликованных Н. А. Невским в его статье «Тангутская письменность и ее фонды»²¹. Данная статья и является первой информацией о памятнике. В публикации Н. А. Невского приведены переводы следующих изречений памятника:

№ публикации	№ нашего перевода	№ публикации	№ нашего перевода
1	—	14	—
2	—	15	—
3	—	16	—
4—5	—	17	—
6	—	18	—
7	—	19	—
8	—	20	—
9	—	21	—
10	—	22	—
11	—	23	—
12	—	24	—
13	—		
	204		309
	12		318
	158		326
	225		297
	69		259
	349		256
	55		286
	181		8
	254		355
	247		47
	350		314
	313		

Часть этих изречений и в нашей публикации оставлена в переводе Н. А. Невского, часть подверглась редактированию. Изречение 14 — 309 было отождествлено нами с трудом и в нашем переводе значительно отличается от перевода Н. А. Невского.

В своей статье, как мы уже упоминали, Н. А. Невский дал первую оценку памятника. Изречения, по его мнению,

²¹ Н. А. Невский, Тангутская филология, кн. 1, стр. 92—93. В публикации указано 24 номера изречений, фактически же их 23, так как под двумя номерами, 4 и 5, помещено одно изречение.

были замечательны тем, «что в них, помимо тех или иных заимствований у соседних народов, можно распознать и образы настоящего народного творчества или фольклора, выражающего народную мудрость. Они весьма напоминают наши пословицы»²². Заслуга Н. А. Невского, таким образом, состоит не только в том, что он обнаружил, оценил по достоинству памятник, познакомил с образцами его содержания широкий круг научных работников и читателей, но и в том, что он правильно охарактеризовал сущность большинства тангутских изречений, указав на их пословичный характер. Краткое сообщение о тангутских изречениях было опубликовано нами в журнале «Советская этнография»²³.

Настоящее издание «Вновь собранных драгоценных парных изречений» состоит, помимо воспроизведения текста памятника факсимиле, из предисловия, характеризующего памятник и историю его создания и изучения, из статьи, посвященной исследованию памятника — «К вопросу о характере и художественных особенностях тангутских изречений», полного перевода текста памятника на русский язык, комментария к переводу и предметного указателя.

Цель издания состоит в том, чтобы познакомить читателя с тангутскими изречениями, интересным памятником исчезнувшей тангутской культуры.

В переводе слова, утраченные в издаваемом тексте оригинала и восстановленные по рукописи Британского музея и рукописи № 3827 или по архивным материалам Н. А. Невского, а также предположительно восстановленные переводчиком, заключены в угловые скобки. В квадратные скобки заключены слова, введенные переводчиком для связного изложения текста изречений в русском переводе.

Автор благодарит за ценные советы, которые в ходе своей

²² Там же, стр. 91.

²³ Е. И. Кычанов, Тангутские изречения, — «Советская этнография», 1971, № 3, стр. 113—119.

работы он получал от проф. Э. Д. Гринстеда (Скандинавский институт востоковедения, Копенгаген), академика АН МНР Ц. Дамдинсурэна, проф. Д. И. Кары (Будапештский университет) и проф. Р. А. Штейна (Парижский университет).

Е. И. Кычанов

SUMMARY

«The Newly-Assembled Precious Dual Maxims» — form one of the most fascinating xylographs in the collection of Tangut manuscripts and incunabula in the Leningrad Branch of the Oriental Institute of the U.S.S.R. Academy of Sciences. It is valuable not only as a book produced almost eight centuries ago and preserved practically in its entirety, but also as a monument of Central Asian mediaeval literature, basically of folklore.

The measurements of the original are 21.5 by 15 centimetres; the space occupied by the text is 17.5 by 12 centimetres. It has been stitched in «butterfly» shape, in the early form widely used in the eleventh and twelfth centuries in the Far East and particularly in China. Typical of this style is the regular alternation on the sheet of one side filled with text and the other blank. Tangut pagination (this is an important point, as there are books with Chinese pagination in the Tangut language) is uninterrupted from page one to thirty-one, thus forming sixty-two pages of text. There are seven lines of text on each page. The number of printed signs in a line is not always the same but ranges from ten to sixteen. The signs are standardized clear-cut and well printed. They are not all the same size; this depends upon the number to a line. Previous to restoration, the book was bound in coarse unbleached linen.

As far as it is possible to judge from the preface and the epilogue — these are by no means well-preserved — the first to compile this collection was Liang Te-yang, a Tangut scholar. He died in 1176, while the work was still incomplete. It was finished by another scholar, Wang Jen-chi, and appeared in 1187. Liang Te-yang had gathered the sayings, «seeking out graceful expressions in every book», or, as N. A. Nevsky

Summary

described it, «compiling a volume of Tangut literary and oral proverbs and maxims». Evidently, this is not the first compilation of Tangut maxims, since it is entitled «the newly-assembled» sayings. They are arranged in purely formal order, according to the number of printed signs — from three to eighteen — in the line of the dual maxim. The book contains altogether 363 of these.

Part of this compilation, starting from sheet 20a up to the conclusion, is preserved in the British Museum. In a list of the published xylograph in N. A. Nevsky's handwriting, discovered in his archives, some characters were preserved that are no longer to be found in the original. In addition, a fragment of a manuscript (entered under No. 3827 in the inventory) containing a repetition of the text of some of our maxims was found in the Tangut Collection at the Oriental Institute of the U.S.S.R. Academy of Sciences.

The history of research in this field is confined to a brief description by N. A. Nevsky. He defined the character of the sayings as remarkable in this respect: «that apart from some borrowings from neighbouring peoples, one may distinguish examples of genuine creative art or folklore expressive of the people's wisdom. They are strongly reminiscent of our own sayings». N. A. Nevsky's papers included translations, at different stages of completion, of twenty-five maxims. A certain proportion of these in finished form were published by him in his article: «Tangut Writing and its Collections».

The present edition of this document consists of three main parts: the original reproduced in facsimile, the translation of the maxims into Russian, and the researches. In addition, a concise commentary and an index to the Russian translation of the Tangut sayings have been included.

The translator has endeavoured to adhere as closely as possible to the original, although as is evident in some cases, the saying has not been fully understood; then, too, some lacunae are encountered in the text and also characters of unknown or insufficiently-clear meaning. The text of the original permits the reader to verify the translation where necessary.

Summary

In the researches, an attempt has been made to determine the character of the Tangut sayings and to indicate their place in the history of paroimia, the creative word-play of Central Asian peoples.

The Tanguts called their sayings «phuldewlie» — dual maxims, a name that reflects their compositional peculiarity, the strict grammatical and semantic parallelism of two constituent parts of a saying:

Snow lies on the mountain — the mountain is high,
A man's worth makes him respected.

Evidently, this is a basic type of Tangut maxim. Numbers of these are to be found not only in the published collection, but also in an encyclopaedic work entitled: «A Sea of Meanings Established by Saint». Here, too, the same structure is observed:

To possess cattle is not riches,
To possess a mind is riches.

The basis of the parallelism in a Tangut saying is poetic similarity, expressed by means of comparison, contrast or gradation. Here is an instance of comparison:

Virtue cannot be equal among a thousand sons,
There is no sameness among ten thousand horses.

It was stressed by A. N. Veselovsky in his time that where comparison is used «the motive charged with a human content» invariably outweighs any other.

Contrast is seldom used in the published Tangut sayings. Instances of contrasting action or object are to be met with.

Fulling felt and winnowing millet need different kinds of weather;
The same earth will do whether you dig a ditch or a well.

Gradation is associated with the intensifying or the weakening of the opinion expressed within the bounds of a

Summary

dual parallel structure through transition of the qualitatively-compared image: from stronger to weaker — a descending gradation, or from weaker to stronger — an ascending gradation.

A drop cannot move a white stone,
A river cannot remove black mountains.

Methods of construction include modes of address, expressions of goodwill, irony, and the enigma.

Structurally, Tangut sayings consist of four parts: the dual parallel form, divided into two parallel members (or sentences) joined by comparison, contrast, gradation, repetition. Each of the paired constructions (sentences) in its turn is divided into two, one of which serves as an allegorical link between the concrete fact of life which forms the subject of the sentence and the succeeding poetic image or predicative opinion. For example:

Without valour, honour and wealth (A) —	(are like) the cloud in the sky (B).
Dishonestly accumulated property (C) —	(is like) dew on the grass (D).

In this instance, the link between A and B, and C and D, connecting subject and predicate is, simultaneously, the link between the concrete fact and the poetic image. This last is the artistic expression of the essence of the statement — «Without valour honour and wealth (are like) the cloud in the sky», A.=B. «Dishonestly accumulated property (is like) dew on the grass: C=D. Where comparison is used, the structure of this type of maxim is as follows:

A=B equals C=D.

Where contrast is used the structure will be:

A=B opposes C=D

Summary

and consequently, in gradation

A=B is stronger (weaker) than B=D

But, not infrequently, the poetic image lies only in one of the parts of the double parallel construction:

Even when grown up, silly children will quarrel,
Even in his stall, the wild horse will kick.

In this case the poetic image is contained in the second part of the parallel construction — silly children are like the wild horse, and so the structure of this type of maxim is differently expressed:

AB=CD

In most Tangut sayings rhyme is absent, but instances exist of rhymed sayings. The rhythmic arrangement of these was determined apart from their semantic, morphological, and syntactic parallelism by the strict parallelism of the caesura, the use of the anaphora, the initial rhyme, the tautological rhyme, the rhyme of the caesura and in conformity with the tonal organization within the double parallel construction. The Tanguts themselves distinguished two tones — the level and the ascending — in their tongue. And although, for the most part, regular alternation and strict parallelism of tones are not to be observed in their sayings, instances have been noted of perfect coincidence and parallelism of tones, of contrast in tones, of concurrence in tones before the caesura, and of their contrast in the second parts of the dual construction, etc. Parallelism in structure and rhythm, vivid poetic imagery, characterized the artistic expressiveness and beauty of Tangut sayings.

In defining their character, it was of the utmost importance to bring out their resemblance to analogous examples of ancient oral creative art. The earliest of these is «Mother Sumpa's Sayings» (cf. F. W. Thomas, *Ancient Folk Literature From North-Eastern Tibet*, Akademie Verlag, Berlin, 1957). They were

Summary

from a neighbouring district to that inhabited by the Dang-hsiang, the ancestors of the Tangut Hsi Hsia and were written in the Tibetan-Burmese tongue spoken by Sumpa, and translated into Tibetan sometime in the ninth or tenth century. The manuscript was discovered in Tounhuang. It was, in F. Thomas's opinion, a collection of proverbs. Part of this manuscript, which still remains untranslated, is preserved in Paris, and only certain sayings from this second part have been published by R. A. Stein in his book «La civilisation tibétaine», Paris, 1942. As an illustration of the resemblance in these sayings, here is one of Mother Sumpa's:

An angry dog alarms the whole village,
An angry wife drives away kindred and friends.

It appears then that our «Newly-Assembled Precious Dual Maxims» manuscript is the direct descendant of «Mother Sumpa's Sayings» and the fact that the last-named belong to a period three centuries earlier indicates that this variety of folklore was widespread in antiquity among tribes peopling Eastern Tibet.

At the same time, comparisons show that in their form, and frequently in their poetic images, Tangut sayings bear a close resemblance to those of the Tibetan, Mongolian, Buriat, Kalmyk, Manchurian, Tuvin, Shori, Khakassian peoples, a considerable proportion to the Uighur, Kirghiz, Kazakh, Karakalpakian and Chinese peoples. Examples of sayings, similar to the above in form and imagery, may be found among those of the Baili, Turkmen and Yakuts. On the other hand, this form of proverb is less characteristic of the sayings prevalent among the Iranian-speaking peoples, Indians, Slavic, Japanese, and Vietnamese nationalities. Similarities are observed among the maxims of the nationalities linked by territorial frontiers, by the same forms of economy, and among those nationalities that have maintained age-old contacts. Resemblance in sayings is not confined to form; images also coincide, as for example, the «man — horse» comparison typical of Central Asian sayings.

Summary

In poverty a man's desires are few, his arms are shorter
than before,
On the worn-out horse the hair is long, and fodder is short.
(Tangut saying).

A good horse goes at an even pace,
A good man keeps his word.
(Tuvin saying)

A good man's worth is known after his death,
A good ambler is known at a fast trot.
(Kazakh saying).

The given points of resemblance permit us, in the first place, to assert that the majority of Tangut sayings are also proverbs (as N. A. Nevsky remarked: «they remind me of our own proverbs»); and in the second place, to confirm that they belong to the axiomatic sayings of Central Asian peoples. The similarities existing between the sayings of these nationalities and the fact of their antiquity are plainly evident. An interesting point is that among the Turkic-speaking peoples, wandering westward and coming into close contact with Iranian-speaking tribes and the Arab world, the ancient type of proverb was lost; the farther west they roamed, the more evident this becomes, as we may judge by the proverbs of Turkish and Crimean Tartars. This being the case, the question arises of the existence of a Central Asian axiomatic complex dating from antiquity and lasting until our own day. How the emergence of such a complex is to be explained — through similarity of natural conditions and the prevailing type of economy (mainly stock-farming), or by borrowings — will be shown in future researches of a specialized nature. At the present moment, we consider it important to indicate the problem and we presume that the collection and publication of Central Asian sayings and reproduction of valuable manuscripts such as «The Newly-Assembled Precious Dual Maxims» and «Mother Sumpa's Sayings», in addition to ancient collections and selections from monumental works like the dictionary of Mahmud Kashgari, «Secret History» from such works as «The Annals of Rashid ad-Din», will prove of service in preparing material for research on these problems.